

МОРВЕЙН ВЕТЕР

КОЛЕСО СУДЬБЫ.
БОЛЬШАЯ СЦЕНА

18+

Морвейн Ветер

Колесо судьбы. Книга

3. Большая сцена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71672581

SelfPub; 2025

Аннотация

Кенна – малоизвестная, но хорошенькая актриса. Однажды вечером она видит в зале мужчину, который пробуждает в ней воспоминания о прошлой жизни...

Содержание

Глава 1. Малая сцена	4
Глава 2. В гостях у барона	11
Глава 3. Рауль	25
Глава 4. Квартал Марэ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Морвейн Ветер

Колесо судьбы. Книга

3. Большая сцена

Глава 1. Малая сцена

В театре Монтен Блан ставили «Похищение Европы». Тому не было никаких особых причин – кроме, разве что, появления новой любовницы у короля. И поскольку госпожа де Монтеспан интересовала всех куда больше, чем судьба Европы, гонимой Зевсом, то и костюмы актёров куда более подходили на платья, которые носили в Версале в этом году – разве что золото заменяла медь, а шелка – грубая бумазея. Последнее обстоятельство заметно снижало лоск, но других костюмов труппе Монтен Блан не удавалось достать уже давно.

Сборы были низкими, сколько Кенна помнила себя. Театр посещала публика не слишком благопристойная, и ругань и свист доносились из зала куда чаще, чем аплодисменты и крики на бис.

Кенна, которая играла в театре с одиннадцати лет, давно привыкла. Конечно, как и любая здесь, она мечтала о настоящих платьях из парчи, но Кенна умела наслаждаться тем,

что имела.

Дочка шотландского стрелка, который, потеряв руку в бою за короля, утратил жалование и уже не сумел справиться с собой – спился до смерти, и Жаклен, никому не известной актрисы, которая умерла в нищете, когда Кенна была еще очень мала, она давно поняла, что жизнь – это колесо. И никогда не знаешь, какой стороной оно повернётся к тебе.

После смерти отца у матери её были любовники, дарившие ей фаворы* и шелка. Её приглашали играть даже в Версаль.

А потом она заболела оспой – и её изуродованное лицо потеряло спрос.

Пока Кенна была ребёнком, она по большей части только путалась у других актёров под ногами, но уже через некоторое время один из старших актеров Бертен заметил, что девочка куда больше похожа на мать, чем на отца. Лицо её, пока ещё детское, удалось небесам таким хорошеньким, что можно было в витрине выставить – и брать деньги за одно только то, что люди смотрят на него.

Кенну стали ставить на входе в театр. Волосы её украшали лентами, а иногда и надевали на неё платье Мальвины – единственный костюм, подходивший ей по размеру. Кенна выкрикивала похвалы театру и рассыпала в воздухе конфетти, привлекая к себе внимание прохожих и бездельников, ошивавшихся кругом.

Не сказать, чтобы театр обогатился благодаря ей, но всё же

зазывала имела спрос. В женском костюме или в мужском, маленькая хрупкая шотландка вызывала желание потрепать её за щёчку, а там уже и до входа в театр было недалеко.

Вскоре Бертен придумал новый приём. Кенна обрела брата-близнеца Кенина, который выходил просить конфет для больной сестры, а иногда – наоборот. И только побывав в театре, можно было увидеть очаровательное, большое таинственной болезнью дитя.

В одиннадцать лет она получила свою первую роль – Жоржетта, игравшая горничных и камеристок, слегла, и готовить для хозяйки любовное зелье выпустили её. Кенна была разодета в кружева, волосы её, тогда ещё не очень длинные, уложили на затылке в корзиночку, и зрители, не знавшие, кто вышел на замену, в один голос утверждали, что новая актриска из театра Монтен Блан страсть как хороша.

Так и пошло.

В четырнадцать лет Кенне стало уже довольно тесно в плену назначенного для неё амплуа. Девочка повзрослела и хотя не то чтобы возмужала, но всё острее чувствовала, что ей хочется быть не только служанкой, но и возлюбленной.

Черты лица её оставались тонкими, а волосы стали ещё длинней, но в то время, когда у девочек её возраста уже начинала расти грудь, она оставалась всё такой же стройной и похожей на мальчика. Осознание своей сущности какое-то время терзало её, но в конечном итоге прошло довольно легко: Кенна с младых ногтей видела, как превращается одно в дру-

гое всё кругом. Как грубый, любивший выпить сидра Жослен дю Мов, выходя на сцену, превращался в благородного красавца, а пускавшая к себе по ночам по очереди трёх любовников Матильда обращается прекрасной девой. Реже случилось наоборот. У каждого в театре была одна-единственная, навечно закреплённая за ним роль.

Надевая кружевные юбки, Кенна переставала быть собой. Всё, что нужно было делать в этом карнавальном облачении, давалось ей легко.

И так же, как смешалась в её голове череда ролей, смешались в её сердце вера в сказку, присущая всем людям искусства, и понимание того, что всё в жизни имеет свою цену. Кенна существовала на грани мира древних богов и мира шлюх и пропойц. Просыпаясь в рваных панталонах и надевая худые башмаки, она вечером сменяла их на кружева и медь, которую выдавала за золото. И вместе с ней самой менялся мир вокруг неё.

В шестнадцать Кенна всё ещё оставалась изящнее многих девушек, была гибкой, как лоза, и красивой лицом, так что у Бертрана всё более появлялись мысли, что нашлись бы люди, которые куда больше заплатили бы за неё.

Сама Кенна прекрасно понимала, насколько хороша, но другой жизни представить не могла. Она привыкла к театру как к семье, которой у неё никогда не было.

В том же году Кенной впервые заинтересовался мужчина. Это был трактирщик Жозе Берноф.

Берноф ухаживал за Кенной несколько недель, но так и не добившись допуска в постель резко остыл и был таков.

С того дня и до тех пор, пока Кенне не исполнилось восемнадцать лет, ей увлекались не раз. Были те, кто хотел просто затащить её в спальню, находились и настоящие поклонники её таланта.

Кенна, впрочем, никому не спешила отвечать. Уроки матери и закулисная жизнь научили её, что никто не станет подкармливать корову, если молоко она даёт бесплатно.

Она принимала подарки, которые, впрочем, редко были так уж велики, скромно благодарила, но ни с кем не заходила слишком далеко.

Рано или поздно упорство ухажёра иссякало, а если он смел настаивать, небольшая театральная постановка с Жосленом Великолепным в роли ревнивого любовника быстро остужала его пыл.

Так было до тех пор, пока одним июльским вечером труппа не приняла решение ставить «Похищение Европы».

Роль Кенны была невелика – но вопреки обыкновению играла она не служанку, а Амура, пронзившего сердце смертной божественной стрелой.

Такие роли доставались ей не часто, потому как хотя в мужском амплуа она была так же хороша, как в четырнадцать лет, импресарио считал, что театру куда выгоднее иметь в труппе хорошенькую миловидную актриску, которая привлекала бы мужчин, чем хорошенького мальчика – который

мало кого мог бы привлечь.

Кенна относилась к вопросу философски, хотя желание снять вечную маску тихой горничной всё сильнее терзало её. Она понимала, что в её положении – безродной сироты – нужно довольствоваться тем, что есть.

Зал, как обычно, наполняли шум, кашель и смех.

Кенне следовало появиться на сцене три раза, чтобы пустить три стрелы. Она продекламировала свою реплику и сделала выстрел, когда взгляд её замер на фигуре незнакомца в полумаске, стоявшего у самого выхода в толпе.

Для здешней публики незнакомец был слишком хорошо одет. Шляпа с пером бросала тень на его лицо, но в полумраке, окружившем его, Кенна отчётливо видела глаза: голубые, как два осколка хрусталя.

Кенна вздрогнула и забыла слова, когда встретила этот взгляд, устремлённый на себя. Такого не бывало с ней ещё никогда.

Она пустила стрелу и промахнулась, вызвав в зале нездоровый хохоток.

А незнакомец всё смотрел и смотрел, и Кенне казалось, что тот не видит костюма и грима. Взгляд его был устремлён внутрь неё, пронзал лучше, чем любая стрела.

Кенне стало тяжело дышать.

Так и не договорив слова, она стала отступать назад. Но даже когда темнота окружила её, стихли покашливания и смешки, ей всё ещё казалось, что этот взгляд удерживает её

в тисках.

Сердце билось как бешеное, кровь стучала в висках.

Ощущение неизбежности накрыло её с головой. Она почувствовала, что обречена – но пока ещё не могла понять, на что.

Комментарий к Часть 3. Глава 1. Малая сцена

* Фавор – подарок в знак благосклонности, который прикалывался на одежду. В зависимости от желания (принимающей стороны) носился на груди у сердца, на поясе или на волосах у виска.

Глава 2. В гостях у барона

Кенна дремала на соломенном тюфяке в подсобке, когда за дверью послышался шум.

Она было решила, что это снова сборщик налогов пришёл требовать своё – театр отбивался от него уже добрых несколько недель, потому что выручки едва хватало на еду, а король установил новый налог на роскошь, в соответствии с которым многие сценические костюмы простолюдинам носить было запрещено.

Она повернулась на другой бок и, укрывшись старым клетчатым пледом, который оставил ей отец, попыталась уснуть – но сделать это ей не удалось.

Теперь уже забарабанили в её собственную дверь и, не дожидаясь, когда Кенна откроет её, распахнули с другой стороны.

– Кенна, у тебя новый ухажёр? – насмешливо поинтересовался Сезар, другой молодой актёр, игравший по большей части крестьян и бедняков. Сезар, хотя и был порядком крупноват, гонору имел как наследственный аристократ. Кенна же, не имевшая, насколько знали в труппе, и тени благородных корней, без конца раздражала его своей утончённостью, к которой вовсе и не стремилась. Изящество жестов, казалось, прорастало из неё без особых к тому причин. А иногда – в особенности в ответ на насмешки Сезара и ко-

го-то из подобных ему – Кенна умела сделать такое лицо, что ни дать ни взять походила на принцессу, которой к завтраку подали не то вино.

Впрочем, здесь, в театре, на который ходила смотреть по большей части простонародная публика, такие гримасы не пользовались спросом – напротив, скорее настраивали против неё. Кенна, которая обычно бывала замкнута и молчалива, многим казалась высокомерной. А кое-кто даже распускал слухи о том, что она в самом деле побочная дочь какого-то герцога – что было довольно глупо, потому что старшие актёры прекрасно знали её отца, ухаживавшего за Жаклен много лет. Ни у кого больше из её поклонников не было таких рыжих волос.

Увидев Сезара, Кенна не стала спешить вставать – только приподнялась на локте и какое-то время разглядывала тучную фигуру собрата по цеху.

– Ты перебрал сидра, Сезар? – очень вежливо поинтересовалась она.

– Вот, смотри, что он тебе принёс.

Кенна хмыкнула и, взяв из его рук футляр, осмотрела со всех сторон. Узкую коробочку обтягивал бархат, и на ней красовался вензель – Р. Л.

Осторожно приподняв крышку, Кенна увидела внутри цепочку драгоценных камней, нанизанных на нить. Украшение было в меру дорогим – слишком дорогим для Кенны, но определённо не таким уж дорогим для герцога и короля –

но сложено было с особенным изяществом. Камни подобраны намётанным глазом, аккуратнейшим образом обточены и подогнаны друг к другу. По большей части здесь были аметисты и топаз.

– Кто это поднёс? – спросила Кенна, вновь поднимая взгляд.

– Мальчишка в сером плаще, но по виду – паж.

Кенне стало беспокойно. Она снова вспомнила голубые глаза, смотревшие на неё. Они пугали её, как пугает отблеск направленной на тебя стрелы. В этом взгляде ей чудилась неизбежная смерть – она только не знала, для кого.

– Не нравится – отдай мне. Я Жоржетте подарю! – Сезар выхватил украшение из её рук.

– Бери, – равнодушно сказала Кенна, которая в самом деле не хотела даже держать этот предмет в руках. – Хотя нет, постой.

Она поспешно вскочила с вороха соломы и, перехватив коробочку, снова отобрала её у Сезара.

– Я отдам Бертену. Пусть продаст и заплатит налог.

– Вот дурёха, – фыркнул Сезар и проследил, как Кенна, минуя его, протискивается к двери и выходит в коридор.

Кенна не стала спрашивать почему. Ей всегда казалось, что Сезар и сам не слишком умен.

Кенна старалась не думать о человеке, который приметил её, но никак не могла. То взгляд его, то загадочные буквы РЛ высвечивались у неё в голове, терзая сознание тревогой.

Она надеялась, что если займёт себя репетициями, это пройдёт, и, отдав ожерелье Бертену, спустилась в зал – тот располагался на первом этаже, в то время как комнаты старших актёров – на втором. Свои комнаты были не у всех, только у тех, кто прожил в театре много лет. И уж точно не у неё.

Зал тоже был невелик и больше походил на салон таверны, где вместо прилавка располагался помост для представлений. Не было ни скамей, ни тем более кресел, публика смотрела спектакли стоя.

Кенна отыскиала среди бумаг текст новой пьесы – её предложил Бертен. Свою роль она знала уже достаточно хорошо, это была роль горничной – как всегда. Ей нравились в этой пьесе все роли, кроме её. Но, к своему стыду, больше всего она любила повторять реплики прекрасной Бернес, влюбившейся в благородного разбойника и похищенной им. Она знала, что именно её играла бы мать.

– Мне страшно подумать, что случится, когда я вернусь домой, – негромко, но с чувством произнесла она вслух, – там меня теперь не примет никто.

– Оставайся со мной, – прозвучал из глубины зала звучный голос, от которого по всему телу Кенны пробежала дрожь. Она слышала этот голос... Когда-то давно. Кенна сама не могла верить в это, но она точно знала. – Тебе не место среди жалких напыщенных кокеток, – продолжал голос тем временем, – ты моя, Бернес. Я люблю тебя. Я подарю тебе леса и птиц, каких не увидишь в зверинцах у господ.

Кенна молчала. Текст пьесы лежал у неё в руках, и ещё мгновение назад она готова была прочитать продолжение, но от одного звука этого голоса горло сдавил спазм.

Медленно-медленно, надеясь, что за эти несколько секунд наваждение развеется, она повернулась на звук.

Всё тот же человек в маске с пронзительными голубыми глазами стоял напротив неё.

– Кто вы? – спросила Кенна наконец, когда справилась с собой. Она не хотела показывать страх и потому говорила спокойно, насколько могла.

Незнакомец не отвечал. Он замер в полумраке, скрестив руки на груди и опершись о край дверного проёма плечом.

– Вам понравился мой подарок? – произнёс он вместо ответа.

Кенна сглотнула.

– Он очень изящно сработан.

– Чего не скажешь о вашей пьесе. Редкостная чушь.

Кенна молчала. Ей пьеса нравилась, хотя она и подправила бы в ней кое-что.

– Как ваше имя? – спросил тем временем мужчина.

– Кенна, – ответила девушка.

– Кен-на, – по слогам повторил незнакомец, – в этом имени куда больше, чем может вместить этот театр. В нём чарующая магия древних легенд и пронзительная тоска старинных баллад.

Кенна вздрогнула и прищурилась.

– Нетрудно догадаться, что раз я актриса и отчасти шотландка, то люблю петь. В особенности баллады древних времён.

– Вас так разозлило моё предположение... Интересно, с чего?

Кенна покачала головой.

– Вовсе нет. Меня раздражает то, как вы говорите со мной.

– Вот как? Вы предпочитаете деревенскую грубость, может быть?

– Я предпочитаю, когда из меня не делают дурочку.

– Вы и сами весьма грубы.

– Потому что не ставлю целью вас очаровать.

– У вас хватает поклонников и без меня?

– Может быть.

– Поверьте, другого такого, как я, у вас нет.

– Потому, – Кенна демонстративно растянула губы в улыбке, – что в вас течёт благородная кровь?

– А в вас разве нет?

– Не тешьте себя. Я просто актриса.

– Тем более странно, что вы осмеливаетесь меня отвергать.

– Вы не симпатичны мне.

– Что с того? Зато я могу облагодетельствовать вас.

Кенна расхохоталась, запрокинув голову назад, и взгляд незнакомца скользнул по её белому горлу, вызывавшему желание то ли укусить, то ли поцеловать.

Затем, мгновенно выпрямившись, она снова стала серьезной, и взгляд шотландки теперь колол не хуже, чем лёд. У неё были голубые, как зимнее небо, глаза, плохо сочетавшиеся с персиковой кожей лица, покрытой лёгкой сеточкой веснушек. Длинные неуложенные волосы разметались по плечам и блестели в тусклом свете масляных ламп, как красная медь.

– Я не продаюсь, – сухо отрезала Кенна, – ищите забаву на одну ночь за углом – там находится трактир. А я актриса.

– Кто сказал, что вы нужны мне на одну ночь? – спросил незнакомец, и в голосе его теперь звенело то же упрямство. – Так легко вы не отделаетесь от меня. Я хочу заполучить вас навсегда.

Ответить Кенна не успела, потому что с другой стороны, за сценой, слышались грохот и шум – но это лишь голуби шумели под потолком.

Кенна быстро обернулась на звук, чтобы выяснить, кто мешает говорить, а когда снова обернулась к незнакомцу, то обнаружила, что уже осталась одна.

Незнакомец странно действовал на неё.

Кенна испытывала страх – но одновременно и злость. До сих пор она не замечала подобной гремучей смеси за собой.

Она искренне надеялась, что не увидит его больше никогда – но шестое чувство подсказывало, что увидит, и ещё не раз.

Человек в маске больше не показывался ей на глаза, хотя Кенна выглядывала его в толпе на каждом представлении –

очевидно, это место было слишком вульгарно для него. Но подарки, тем не менее, продолжали приходить.

Спустя менее чем неделю пришло ещё одно кольцо.

Затем золотые часы на цепочке.

Зеркальце, инкрустированное гранатами.

Подарки с каждым разом становились ценней, как будто даритель стремился прикормить её.

На Кенну они действовали неоднозначно.

Некоторые из них откровенно помогли. Драгоценности можно было продать, чтобы внести вклад в развитие театра – а польза от этого была не только труппе, но и лично ей. Кенну начинали уважать.

Никого здесь не волновало, сколько ей лет. Молодая актриса всегда была в особой цене, и мало кто сохранял популярность, когда возраст переваливал за тридцать лет. Обычно такие либо уходили в богатый дом, либо становились гувернёрами – учили детишек аристократов играть на пианино или петь, либо, что чаще, спивались и умирали в нищете.

– Соглашалась бы ты, – как-то сказал ей Бертен, – пока на тебя есть спрос. Аристократа ты второй раз, может, и не найдёшь.

Кенна молчала и хмуро смотрела в пустоту перед собой. Она понимала, что по-хорошему Бертен прав. Приняв покровительство незнакомого аристократа, она могла бы помочь и себе, и другим. Золочёные кружева и бархатный кам-

зол, в которых незнакомец в маске явился к ней в прошлый раз, лучше, чем что бы то ни было, говорили о том, что она может дать гораздо больше. Да и сам незнакомец довольно скоро это доказал – когда рано утром, неожиданно-негаданно, к зданию театра подкатила повозка, наполненная костюмами, сшитыми по испанской и французской моде.

Кенна, в тот момент как раз репетировавшая с Сезаром роль, только открыла рот.

– Что это? – хмуро спросила она.

– Подарок для вас! – сообщил поставщик. – Извольте принимать!

Кенна не решилась – да и не очень хотела – возражать. Она понимала, что за такие подарки приходится платить, но костюмы, настоящие, украшенные драгоценным шитьём, позволили бы сделать здесь совсем другой театр. И уж конечно ей не пришлось бы больше играть горничных, если бы все узнали, что костюмы достала именно она.

У других актёров пожертвование так же вызвало ажиотаж. Костюмы были изучены со всех сторон. О том, чтобы кто-то забрал что-то себе, речи не шло – всё, что принадлежало театру, делилось на всех.

– У нас подрастает маленькая звезда, – фыркнула Матильда, и не подумавшая прикоснуться ни к одному из привезённых платьев, – смотрите, как бы не случился пожар.

И, к стыду Кенны, Матильда оказалась права.

Спустя пару недель их пригласили играть в поместье к ба-

рону де Голену.

Барон был не слишком богат, но для театра Монтен Блан это был очень хороший заказ.

Они собрали декорации и костюмы в кибитку и к вечеру того же дня были на месте. Труппа должна была отыграть несколько представлений – барон собирался показать их гостям.

Разместили их на конюшне, и, поужинав на кухне после первого представления остатками с господского стола, актёры отправились спать.

Раньше, чем на колокольне успели пробить заутреню, Кенну разбудили топот и звон. Языки пламени метались за окном.

– Бандиты! – истошно завопила Матильда, кутаясь в платье, которое никак не успевала натянуть на себя.

Жослен успел накинуть плащ и теперь стоял, прижавшись спиной к дальней стене, выставив перед собой бутафорскую шпагу.

А в следующую минуту удар в дверь сорвал её с петель, и пятеро хохочущих всадников ворвались внутрь, сметая всё на своём пути.

На бандитов не походил никто из них: хотя все пятеро были в масках, но плащи их и камзолы были подобраны очень уж хорошо. Все пятеро аристократов были молоды и высоки, но ничего более Кенна разглядеть не могла. Нападавшие спешили – все, кроме одного.

Подшучивая друг над другом и над актёрами, они первой схватили Матильду и уложили её на спину – тут же, на козлах. Двое занялись ей, а ещё двое бросились к Кенне, которая ещё не успела снять сценический костюм и сейчас стояла в куче нижних юбок в стороне и судорожно искала любое оружие, которое позволило бы ей дать опор.

Она, конечно, понимала, что первый раз её скорее всего случится не с тем мужчиной, который согласился бы на ней жениться – чего бы она сама ни хотела. Но от одной мысли, что это случится вот так, слёзы наворачивались на глаза. Она попятилась, но далеко отойти не успела. Аристократы спешили и, зажав её с двух сторон, принялись ощупывать бока.

– Тощая какая, – бросил один.

– И совсем без груди, – подтвердил другой.

Кенна бросила затравленный взгляд на Жослена и Сезара, жавшихся в углу, но те, кажется, были заняты только поиском возможности сбежать.

– Пустите... – без всякой надежды выкрикнула Кенна. Голос срывался, и слово скорее походило на мольбу, чем на приказ. Она попыталась отодрать руки нападавших от себя, но тех было двое, а она одна, и они абсолютно точно были сильнее её.

Аристократы принялись стягивать юбки одну за другой.

Матильда громко стонала, лёжа на столе. Ноги её оказались широко разведены, и один из нападавших толкался бёд-

рами между них.

– Стоять, – рывкнул пятый из нападавших, и у Кенны колени подкосились от звука его голоса, – эта моя. Возьмите кого-нибудь ещё.

– Да кого, эту, что ли? – один из его друзей кивнул на старую Гислен, которой оставалось играть только ведьм.

– Мне всё равно, – не спешиваясь, пятый аристократ втянул Кенну в седло и, развернув коня, поехал прочь.

Кенна тяжело дышала и старалась не прижиматься к нему. Она обнимала руками саму себя и боялась свалиться с коня, но к похитителю прикасаться всё равно не хотела.

Аристократ же пустил коня в галоп, но уже через четверть часа остановил его у небольшого охотничьего домика в лесу – заброшенного, судя по всему.

Сняв Кенну с коня, он занёс её внутрь. Стены дома, некогда роскошного, теперь покрылись пылью и паутиной. Мебели не было – только давно потухший камин и кровать, на которую незнакомец опустил свою добычу.

Кенна тут же подтянула под себя колени и обхватила их руками, намереваясь сопротивляться до конца.

– Всё хорошо, – незнакомец сел на кровать рядом с ней и протянул руку. Кенна отпрянула, но незнакомец приблизил её и провёл по её раскрасневшейся щеке. – Не пойму только, какого чёрта тебя сюда принесло?

– Зачем? – только и смогла выдать Кенна. – Что мы сделали вам?

Незнакомец пожал плечами и, приблизившись к девушке, вдохнул запах, исходивший от волос Кенны – запах пыли и клопов.

Кенна же, в свою очередь, обнаружила, что от незнакомца сильно несёт брагой, и поняла всё.

Она ещё сильнее сжалась в комок, понимая, что всё равно не сможет защитить себя. Теперь человек в маске получит своё.

Но тот лишь провёл кончиками пальцев по её волосам, разбирая их на отдельные прядки.

– Как давно я об этом мечтал... – прошептал он и коснулся губами её лба, – никому больше тебя не отдам.

– Я не хочу тебя... – выдавила Кенна, – отпусти меня, прошу.

– Отпущу, – легко согласился мужчина, и улыбка заиграла на его губах, – если ты обещаешь, что придёшь ко мне сама.

Кенна молчала. Выбор был не очень-то велик, но в эти секунды ей казалось, что самое страшное уже произошло. Куда лучше будет в самом деле отдаться незнакомцу после очередного дорогого подарка, чем вот так, силой, в дремучем лесу, откуда и дороги домой не найдёшь.

– Только не сегодня, – попросила она, – я ещё не готова...
Прошу тебя.

Незнакомец кивнул.

Кенна протянула руку, намереваясь снять с него маску, но незнакомец схватил её за запястье, поднёс к губам и поцело-

вал.

– Как твоё имя? – спросила Кенна, зачарованно наблюдая за ним. – И как я узнаю тебя?

Губы мужчины дрогнули в улыбке.

– Рауль, – сказал он, – уверен, ты узнаешь меня, когда я за тобой приду.

Глава 3. Рауль

Рауль дал ей выспаться и уже под утро снова усадил на коня.

Кенна чувствовала, как сильные руки мужчины обнимают её с двух сторон, и ей становилось странно горячо. Близость Рауля пугала её, но тот был нежен и осторожен и куда более бережно касался её, чем трактирщик Берноф или кто-нибудь ещё.

– Я отвезу тебя в город, – не терпящим пререканий голосом сказал он, – эти гастроли закончатся без тебя.

Кенна спорить не стала. Перед глазами её всё ещё стояли исполненные страхом лица Жослена и Сезара, намеревавшихся сбежать, бросив Матильду, старуху Гислен и её в руках гуляк.

Кенна закрыла глаза и, чтобы избавиться от навязчивого видения, глубоко вдохнула. Лошадь ударила копытом, и её слегка качнуло, так что спина девушки легла на грудь спасителю.

«Не так уж и страшно прикасаться к нему», – подумала Кенна, задерживаясь в таком положении, просто чтобы понять, что же всё-таки ощущала.

Рауль ситуацией не воспользовался. Только чуть придержал её. И Кенна могла бы подумать, что вовсе не интересуется его, если бы не подарки и не сказанные ночью слова.

Так, за несколько часов, они доехали до города, и конь в конце концов остановился перед театром.

– Я тебя провожу, – всё тем же голосом, не терпящим пререканий, сообщил Рауль.

– Не стоит, – попыталась возразить Кенна, – дальше некуда идти, да и дорогу я найду сама, – она помедлила и добавила: – Спасибо вам.

Рауль однако, казалось, не слышал её. Спешившись следом за Кенной, он помог ей открыть дверь, ведущую в театр – как будто та не справилась бы сама. И следом за ней вступил в полутёмный, пропахший пылью зал.

– Не понимаю, – сказал он, следуя за Кенной, неторопливо бредущей вперёд.

– Чего?

– Как тебе может нравиться здесь?

Кенна повела плечами.

– Не могу сказать, что я выбирала, но в этом мире встречается и куда худшая судьба.

– И эти дешёвые юбки... – руки Рауля на сей раз бесцеремонно легли ей на бёдра и притянули вплотную к себе, – не могу сказать, что они тебе не к лицу. Но разве ты довольна тем, кто ты для них всех?

Кенна задумалась. Объятия Рауля не слишком беспокоили её – такое случалось с ней уже не в первый раз, а руки Рауля к тому же оставались бережны и пока не заходили слишком далеко.

– Если вы о моих ролях – то не могу сказать, что они так уж мне неприятны. Пожалуй, мне только надоело играть слуганок, – она чуть обернулась, заглядывая в глаза мужчине, – моя мать играла королев и фавориток.

Рауль прищурился. Кенна предполагала, что сейчас он пообещает ей прослушивание в театре Мольера или что-то вроде того, но вместо этого Рауль спросил:

– Значит, ты готова принять на себя такую роль?

– Смотря с кем, – быстро ответила Кенна.

Рауль усмехнулся и уткнулся носом ей в шею.

– Ты очень нежна... Но совсем не пуглива. Тебя ещё не трогал никто?

Кенна покачала головой.

– Не более, чем вы сейчас.

– При такой жизни... Странно, что ты сумела избежать соблазнов.

Кенна пожала плечами.

– Меня никто не заставлял. А сама я не видела повода предаваться им.

– Я рад. Значит, ты будешь принадлежать только мне.

Кенна промолчала. Слова Рауля не понравились ей, но она помнила, что обещала.

– Поэтому, – продолжила она вместо ответа, – сегодняшняя ночь порядком напугала меня.

– Прости, – Рауль едва заметно улыбнулся и провёл кончиком носа по её волосам. Волосы Кенны, правда, были

жёсткими от дешевого мыла, и не отметить это Рауль не смог. – Если ты доверишься мне – никто больше не посмеет тебя испугать.

– Я помню о своих словах, – серьёзно ответила Кенна. – Простите... я хотела бы переодеться. Вы отпустите меня?

Рауль покачал головой.

– Я же сказал, что провожу тебя. Я хочу посмотреть, где ты живёшь.

Вот именно этого Кенна и не хотела показывать ему, но избавиться от Рауля явно было не так легко.

Они миновали зал, прошли по небольшому коридору, в который выходили ещё две комнатки, и спустились в подвал, где находилась подсобка с соломенным тюфяком, на котором Кенна спала. Свет проникал сквозь окошко под самым потолком, но даже сейчас его не хватало, чтобы осветить и половины помещения.

– Здесь? – спросил Рауль.

– Только по ночам.

– А днём?

Кенна повела плечом.

– Днём хватает дел в театре, если же нет – я хожу на ярмарку, гуляю по рядам.

– Исключено.

– Исключено... что?

– Всё. Этот тюфяк, например. У тебя от него царапины на плечах.

Кенна склонила голову.

– Только не надо устраивать скандал в театре. У меня от этого будет ещё больше проблем.

– И не думал. Собирай вещи, и идём.

– Я не буду ничего...

– Тогда идём так. Всё равно здесь нечего собирать.

Рауль потянул её за руку и потащил за собой обратно на первый этаж. Кенна, поколебавшись, решила не спорить – никогда не поздно сбежать.

Оказавшись на улице, Рауль не сразу сориентировался – явно бывал в этом районе не часто.

– Где здесь приличный постоялый двор? – спросил он.

– За углом.

– Это там, куда ты меня посылала шлюх снимать?

Кенна промолчала.

– Ясно, идём.

Рауль заставил её снова забраться на коня и повернул его в направлении Сен-Онорэ. Каменные дома здесь не каждому были по карману: по обе стороны тянулись по большей части старые, фахверковые, заселенные от подвала до чердака. Они так плотно прижимались друг к другу, что казалось – можно легко перепрыгнуть с одной крыши на другую. Номеров не было: прохожие, спешившие по узким улочкам вдоль ветхих, почерневших домов с источенными червями балками, нависавшими над перекрёстками, ориентировались по вывескам лавчонок и харчевен.

Однако дом, у которого Рауль остановил коня, выглядел куда чище и свежей тех, что стояли по обе стороны от него.

Первый этаж его был каменным, а второй, третий и четвёртый – деревянными. Верхние этажи слегка выдавались вперёд, нависая над мостовой. Окна выходили на улицу, а хозяйственные пристройки располагались во дворе.

Постучав в дверь, он дождался, пока хозяйка откроет. Та явно даже в маске узнала его, потому что зажала ладонью рот.

– Господин...

– Тихо, – перебил её Рауль, – я привёл постоялицу. Нам нужно несколько комнат и служанка для неё.

Хозяйка быстро закивала. Кликнула горничную и приказала отвести Кенну на второй этаж, Рауль же остался договариваться о цене.

Войдя внутрь, Кенна сразу же оказалась в главной комнате, куда от порога вело несколько ступенек. Она, очевидно, служила хозяйке гостиной и столовой, а за ней шла другая, поменьше, откуда доносился запах тушёной птицы. Низенькая дверца в углу вела в погреб.

Хозяйка кликнула слугу, и тот проводил Кенну по лестнице на второй этаж. Здесь располагались спальни.

Верхние этажи сдавались внаём. Третий и четвёртый – беднякам. Там в одной комнате, разделённой перегородками, могли жить несколько семей.

Но второй этаж сдавался целиком, и когда слуга произнёс:

– Ваша спальня справа. Слева гостиная и кабинет, – Кенна поначалу не поверила своим ушам.

Кенна с удивлением разглядывала то место, куда её привели. Здесь были не только собственная кровать и окно, но ещё и несколько тумб, и туалетный столик для дам. Вся мебель была срублена довольно грубо, но добротно.

Рауль, появившийся у неё за спиной, с лёгким скепсисом огляделся по сторонам.

– Тебе подойдёт? – спросил он. Мужчина шагнул вперёд и замер, почти касаясь её.

– От театра же очень далеко... – пробормотала Кенна. Сказать по чести, отказываться она не хотела – здесь было светло, и ей, к тому же, обещали служанку.

– Я решу этот вопрос.

– Вы перенесёте театр поближе ко мне? – Кенна обернулась к нему и насмешливо вскинула бровь.

– А ты бы хотела?

Кенна поколебалась. Судя по тому, как разговаривал её непрощенный поклонник с хозяйкой, он мог. Мог много чего. Но и цену Кенна прекрасно знала.

– Может быть, потом.

Рауль развернул её лицом к себе.

– Я заслужил хоть что-нибудь? – спросил он. – Хотя бы маленький фавор?

Кенна закусил губу.

– У меня ничего нет, – сказала она. Потом подумала и

коснулась губами скулы Рауля. Она целовала мужчину – хоть бы и так – в первый раз. Тут же отстранившись, она почти заискивающе заглянула тому в глаза, надеясь, что Рауль не потребует ещё.

– Для первого раза сойдёт, – признал тот.

Как Рауль собирался решить вопрос перемещения по городу, Кенна узнала к концу недели – в те дни, когда трупна должна была возвращаться в город.

Всё это время сама Кенна пребывала в противоречивом состоянии: с одной стороны, ей как будто бы дали воздух. В её комнате теперь всегда было светло. По утрам и перед сном девочка-служанка, которую выделила хозяйка, разжигала камин – у неё был собственный камин! И Кенна не могла налюбоваться на него.

Ей стелили постель и готовили ванну каждые два дня.

Именно здесь Кенна впервые искупалась целиком в горячей воде – и процедура эта так понравилась ей, что она не захотела вылезать.

Если она и беспокоилась о том, что всё это могут у неё отнять, то разве что чуть-чуть. Она не сомневалась, что жизнь – это колесо. И надо ловить момент, пока ты наверху.

Несколько больше её волновала судьба коллег.

Рауль, за всё время дважды навестивший её, уверял, что с ними всё будет хорошо.

– Мои друзья уже вернулись в город. И поверьте, они оставили домочадцев барона де Голена живыми и почти здоро-

выми. Не бандиты же мы, в самом деле, чтобы убивать людей.

– Тогда зачем было нападать? – в первую их встречу спросила Кенна.

Рауль пожал плечами.

– Нам не нравится этот старикан.

Кенна спорить с ним не стала. Она понимала, что для аристократов пара синяков на лице Матильды или выбитый зуб не значат ничего.

– Мне странно, что ко мне ты относишься иначе, чем к другим, – только и сказала она, когда Рауль пришёл к ней второй раз.

Рауль улыбнулся уголком губ.

– Потому что ты – не такая, как они. Ты – золотая искра в крупице лошадиного дерьма.

Рауль провёл тогда ладонью по её щеке, но больше касаться её не стал – хотя и мог.

В конце недели гастрولي в самом деле завершились благополучно – Кенне сообщил об этом слуга, которого она посылала к театру каждый день.

Она собиралась навестить их и сказать, что с ней всё хорошо, но время было уже позднее, и она решила заняться этим с утра.

А наутро, поднявшись с кровати, потянувшись и выглянув в окно, она увидела резную карету, перегородившую проулок. Кучер в голубой ливрее сидел на козлах и, завидев её,

помахал рукой.

– Молодая госпожа, всё готово. Когда пожелаете – можем выезжать.

Кенна замерла, глядя на него и думая, что должна сказать.

– Это карета господина Рауля? – только и спросила она, хотя этого факта трудно было не понять без лишних слов.

– Нет, она принадлежит вам. Господин Рауль передаёт её в ваше полное распоряжение вместе со мной.

Кенна опасливо огляделась по сторонам. Карета не имела на дверцах вензелей, но вместо них её украшали золочёные завитки. Настоящий ли это металл или нет – с такого расстояния было не разглядеть, но определённо в квартале ремесленников они, как и кучерская ливрея, смотрелись неуместно.

– Я скоро спущусь, – выдавила она несколько смущённо и, кликнув служанку, принялась приводить себя в порядок.

Кучер отвёз её в театр, где Кенна долго говорила с Бертенном и рассказывала обо всём, что произошло.

– Иногда мне кажется, что я попала в сказку, – нахмурившись, говорила она, – только я чувствую, что здесь что-то не то. Знаешь, когда он трогает меня... Такое чувство, что по венам пробегает огонь. А когда он смотрит на меня – такое чувство, что его глаза пронзают насквозь.

Бертен рассмеялся и погладил её по голове.

– Это любовь, Кенна. Тебе ужасно повезло. Редко совпадает так, что тот, кого ты любишь, и тот, кто готов дать тебе

всё – одно лицо.

– И что мне делать? – спросила Кенна. – Ты всегда говорил, что я не должна спешить. Корову подкармливают лишь до тех пор, пока она не начнёт давать молоко.

Бертен пожал плечами.

– Не знаю, малышка. Никто не может гарантировать, что ты ему не надоешь. Только ты сама можешь привязать его к себе.

– Я даже не уверена, что хочу быть с ним... Ты забегаешь слишком далеко. Мне неловко принимать подарки... Подарки такой величины.

– Об этом не беспокойся. Я всегда знал, что однажды это произойдёт, – Бертен ласково погладил её по щеке, – ты не могла всю жизнь прожить в этой дыре. Бери от жизни всё. И не забывай друзей.

Рауль продолжал навещать её.

Теперь Кенна просыпалась ближе к полудню и первым делом погружалась в ванну на пару часов. Слуга подливал ей воду, а она сначала просто лежала, напевая вполголоса про себя, а затем стала читать книжку, которую подарил ей Рауль – «Принцессу Клевскую» Лафаетта.

В эти же часы Рауль заглядывал к ней. Кенна принимала его, не поднимаясь из ванны, которую затягивала густая мыльная пена.

Иногда Рауль гладил её по щеке или плечу, но никогда не опускался дальше груди. И хотя поначалу эти прикоснове-

ния заставляли Кенну дрожать, постепенно она привыкла и стала Раулю доверять.

Однажды в такое мгновение она сама поймала его руку и поцеловала.

– Спасибо вам, – сказала она.

Рауль улыбнулся.

– Я бы хотел получить награду за свою доброту.

Он склонился к Кенне и замер, так что губы его почти касались губ Кенны.

Кенна колебалась несколько секунд, а затем поцеловала его – неловко и немного неуклюже, потому что делала это в первый раз. Губы Рауля были сухими, а дыхание горячим, и Кенна почувствовала, как тело откликается на эту новую ласку.

Рауль отстранился, вглядываясь в её глаза, и Кенну снова объял страх, который она не могла объяснить даже себе самой.

– Мне лучше уйти, – глухо сказал Рауль.

Кенна кивнула.

Рауль продолжал присылать ей подарки, которые становились богаче день ото дня. Теперь это были лучшие драгоценности, платья, сшитые на заказ под неё, благовония из восточных стран... Очень скоро Кенна поняла, что всё это попросту не поместится в её новых комнатах, и Рауль, кажется, думал о том же самом.

– У меня есть дворец в городе, – сказал он как-то, разгля-

дывая резную шкатулку с набором подвесок, которую сам же и подарил, – там не живёт никто, кроме меня, и не бывает никто из родни – только мои друзья. Вам там было бы удобнее, чем здесь.

– Ваши друзья, – с сомнением уточнила Кенна, сидевшая с книгой в кресле у окна, но давно уже переставшая читать. – Те самые, которых я видела у барона де Голена?

Рауль чуть повернул голову и улыбнулся уголком губ:

– Не бойтесь их. Они пальцем к вам не прикоснутся, если я им не разрешу.

– А если вы разрешите?

Рауль пожал плечами и внимательно посмотрел на неё.

– Для этого вам пришлось бы очень сильно меня разочлить.

Кенна молчала.

Говоря откровенно, ей было любопытно узнать, как живёт её покровитель. И ещё – увидеть его лицо. Потому что Рауль приходил к ней в маске – до сих пор. «Не стоит кому-то видеть меня в этом доме», – говорил он, и Кенне было трудно спорить с ним.

Кенна встала и, отложив книгу, подошла к нему.

– Я хочу увидеть вас, – сказала она и своими тонкими пальцами коснулась краешков маски, но Рауль тут же накрыл их своими ладонями.

– Только после того, как въедете в мой дом.

Кенна колебалась ещё несколько дней, но в итоге после-

довала совету Бертена и решила брать от жизни всё. Она переехала в городской особняк Рауля за две недели до того, как ей исполнилось девятнадцать лет.

Глава 4. Квартал Марэ

Старый король Генрих любил Париж, хотя тот по началу и был к нему не ласков, и немало денег потратил на его благоустройство. Он приказал достроить новый мост, соединивший два берега Сены с островом Сите и запретил сооружать на мосту дома, чтобы те не загромождали вид на реку. А по краям его, чтобы обезопасить движение, проложили тротуары.

На западной оконечности острова Сите заложили треугольную площадь Дофин, окружив её затем домами одинаковой архитектуры из розового камня, облицованными ложным белым кирпичом. На правом же берегу Сены выросла Королевская площадь – Плес Рояль.

Три десятка одинаковых трёхэтажных домов с розово-белой облицовкой, с арочной галереей внизу и с крытыми садами позади. С островерхими серыми крышами, крутые скаты которых прорезали слуховые окна, а кое-где украшали изящные башни с часами и колоколом, образывавшие симметричное каре.

Ещё пару десятилетий назад павильон короля на южной его стороне противостоял павильону королевы. Придворные вельможи, чтобы быть поближе к монарху, стали строить себе особняки неподалёку, и квартал Марэ стал самым изысканным и элегантным в городе: здесь селились послы, выс-

шие судейские чиновники и финансисты. Учёные, художники, писатели и даже иностранные государи, бывавшие в столице с визитом.

Однако король сменился, и Лувр потерял свой лоск. Едва строительство Версаля началось, квартал Марэ начал увядать, пока не опустел совсем – так же, как и старый королевский дворец.

Здесь же стоял и особняк Рауля, маркиза де Лузиньяна.

Через большие ворота с фронтоном, украшенные серией скульптур, изображавших четыре стихии и два времени года, можно было попасть в большой мощёный двор. Ворота соединяли два больших павильона, в одном из которых размещалась кухня, а в другом – конюшня. Всё сооружение обнимало двор подковой: по бокам располагались службы и людская, каретный сарай и кабинет. На первом этаже главного здания размещалась большая зала, где можно было давать балы, и парадные комнаты. Пройдя же бальную залу насквозь, можно было выйти на террасу и спуститься в садик с французскими клумбами и аккуратно подстриженными кустами жасмина по краям. Расположенная в его глубине оранжерея сообщалась с королевской площадью.

На второй этаж вела лестница с кованными перилами, а наверху располагались апартаменты хозяев: прихожая имела две двери, одна из которых вела в покои господина, другая – в покои его фаворита.

– Этот дом в самом деле принадлежит тебе? – спросила

Кенна, едва попала сюда в первый раз.

– Да, а что?

– Он не похож на тебя. Слишком... – Кенна повела рукой, – тяжеловесен. Старомоден. Нет, он не может быть твоим.

Рауль усмехнулся и зарылся носом в её волосы.

– Это дом моего отца, – у самого уха Кенны вполголоса произнёс он, – больше он здесь не живёт.

Кенна потянулась и зевнула. Рыжие волосы рассыпались по обтянутым шёлком подушкам. Она лежала и смотрела, как на потолке переливаются лазурью и жемчужно-серым облака, окружившие древних богов.

В углу спальни потрескивал камин, а в изножье кровати светились в жаровне горячие уголья. Стены украшали резьба и картины с изображениями греческих героев.

Комната, которую выделил ей Рауль, изначально была отделана в египетском стиле, но уже на следующий год, когда в преддверии нового сезона Рауль распорядился поменять интерьеры по всему дворцу, Кенне было позволено выбрать новые апартаменты и отделку самой.

В итоге они с Раулем, как и прежде, занимали каждый своё крыло, но Кенна занялась сменой оформления к новому сезону – в отличие от Рауля, доверявшего сведущим людям, она предпочитала во всём участвовать сама.

Рауль хоть отмечал, вполне искренне, что у Кенны превосходный вкус, но явно был несколько недоволен выбором са-

мих комнат – они располагались от его собственной спальни настолько далеко, насколько позволяла планировка дворца.

– Я когда-нибудь прикажу построить галерею от вашей спальни к моей, – грозился он, но пока не брался исполнить свои слова.

В остальном же Рауль был образцовым меценатом. Не то-ропил Кенну и ничего не требовал от неё. Хотя та и ловила на себе порой жадные взгляды, казалось, раздевавшие донага, но на Кенну так смотрели не в первый раз, и куда приятнее было, когда этот взгляд принадлежал Раулю, ухоженному и разодетому в шелка, чем какому-нибудь дородному купцу.

Кенна привыкла вставать ближе к полудню – хотя Рауль, поднимавшийся на ноги раньше, посмеивался над её ленью.

У Рауля, однако, был другой список дел – он начинал утро с уроков фехтования в семь, затем только возвращался домой и приказывал подать завтрак, который, как правило, съедал, наблюдая за тем, как сонная и ещё лишённая защиты пудры и румян Кенна совершает утренний туалет.

Кенне он никогда не предлагал присоединиться к своим утренним занятиям. Рауль вообще не стремился втягивать его в свои дневные дела. Совершив совместный завтрак, они снова расходились по своим углам.

– Как насчёт Мольера? – спрашивал Рауль, наблюдая, как горничная надевает на худенькое тело Кенны рубаху, отороченную кружевами по краям. Его зачаровывало это зрелище – облачённая в десять одежд Кенна походила на фарфоровую

куколку, которую страшно было разбить. Хотя ещё несколько минут назад был живой и гибкой, как дикая лань.

– Я не хочу Мольера, – повторяла Кенна в который раз.

Разговор о подборе педагога по актёрскому мастерству шёл уже давно. Вокалом с ней занимался господин Люлли*, а господин Бошан** давал уроки танцев, и здесь расхождений у них не было, но когда речь заходила об актёрском мастерстве, Рауль неизменно требовал, чтобы это был Мольер.

– Мольер занимается комедией, – упрямо продолжала Кенна, – я хотела бы играть трагедии. Шекспира, например. А ещё лучше... – она опускалась на кресло перед туалетным столиком и смиренно ждала, пока горничная раскалит щипцы.

– Ну же, говори.

– Это будет странный каприз, – предупредила Кенна.

– Каждый твой каприз удивляет меня, – поднявшись со своего места, Рауль подошёл к ней со спины. Окинул взглядом оба их отражения в зеркале: на его вкус они смотрелись вместе безупречно хорошо.

Сам Рауль был золотоволос, а в локонах Кенны пылал огонь. Зато глаза у обоих были голубыми и было в них что-то... Ни один, ни другая не смогли бы сказать, что. Только то, что их взгляды неуловимо похожи между собой. Оба холодны, как горные реки зимой, и глубоки, как озеро Лох Несс.

– Я бы хотела, – произнесла Кенна с обманчивой вкрадчивостью, – ставить легенды варварских племён.

Рауль поднял бровь.

– Нас сожгут на костре, – констатировал он.

– То есть, ты согласен со мной? – хитрая улыбка блеснула в уголках розовых губ.

– Не знаю, – признался Рауль и отвернулся от неё, – вряд ли Монтен Блан станет это играть. Сказать честно, мне давно перестал нравиться твой театр. Там не на что смотреть, кроме тебя.

Кенна хмыкнула. Этот разговор тоже повторялся не в первый раз, и, сказать откровенно, она начинала задумываться об этом и сама.

Теперь, когда Рауль обеспечил театр новыми красками декораций, выписал итальянского художника, чтобы тот их нарисовал, и раз в полгода дарил труппе новые костюмы, у театра, казалось, было всё, чтобы блистать.

Он даже порекомендовал труппу нескольким друзьям, но те быстро пришли к выводу, что Матильда для роли Офелии уже стара, Жослен в образе благородного героя просто смешон, а Сезар и вовсе не в состоянии поддержать разговор.

Зато все разом утверждали, что рыжеволосая горничная «страсть как хороша», и требовали её на бис, просили, чтобы она пела, играла на фортепьяно и танцевала – чего Кенна делать не умела.

Рауль перестал рекомендовать Монтен Блан, решив, что своя репутация дороже, но Кенне нанял лучших учителей. Та занималась с упорством и интересом, и уже через неко-

торое время Рауль смог устроить ей в собственном дворце небольшой бенефис. Кенна пела под звуки скрипки месье де Мануара*** и танцевала балетное соло. Публика собралась разная, но по большей части молодёжь, потому что приглашать стариков Рауль не любил.

Кенна понравилась всем. Можно было считать, что она представлена благородной среде. Хотя большинство сошлось на том, что предложенный репертуар скучноват.

Кенна и сама была не в восторге от него и не думала этого скрывать. Правда, что именно она хотела бы играть, она сформулировала только сейчас.

Она всё ещё продолжала выступать на сцене Монтен Блан, куда теперь временами заглядывали аристократы, только чтобы посмотреть на неё, но появлялась там много реже, чем раньше, потому что Раулю нравилось, когда она сопровождала его по вечерам.

Теперь уже эта причина оставалась единственной, по которой она не могла получить большую роль. Впрочем, все, не исключая самой Кенны, понимали, что из неё не выйдет античной богини. Из всего, что мог поставить Монтен Блан, ей подходили разве что «Гамлет» и «Двенадцатая ночь», но такие пьесы не были популярны у толпы. Нужно было, чтобы кто-то писал пьесы под неё, и Рауль подобрал несколько человек с достаточно острым пером, но отдавать их в распоряжение Монтен Блан не хотел.

– Можно извлечь много красивых историй из шотланд-

ских баллад, – продолжала Кенна тем временем, – или из Скандинавских легенд. Никто сейчас не использует этот материал.

– Вообще-то, – признался Рауль, отошедший к окну и смотревший на пирамидки подстриженных кустов, – я думал о чём-то более классическом. Например, из тебя могла бы получиться прекрасная Елена. Тогда я мог бы представить тебя при дворе.

– Нет, – Кенна решительно поднялась, не обращая внимания на горничную, замершую подле неё с щипцами наперевес. – Я не хочу играть при дворе. Там душно. Слишком много правил, везде интриги и яд.

Рауль поднял брови.

– Говорят, новый дворец, Версаль, не так уж плох.

– Лувр или Версаль – всё равно. Я, конечно, приму это бремя, если ты попросишь меня. Но мне было бы приятнее играть просто для твоих друзей. Играть то, что я сама бы хотела.

– Ты хочешь писать пьесы? – Рауль с любопытством посмотрел на неё.

– Возможно, со временем я бы смогла, – уклончиво ответила Кенна, – но пока я готова довериться тем, кто лучше владеет пером. Я хочу петь, Рауль. Пригласи своих драматургов – я расскажу им несколько легенд. Может, они смогут что-нибудь из них извлечь.

Часы в столовой пробили двенадцать часов.

– Хорошо, – согласился Рауль, – но ты подберёшь других актёров. Я готов поддерживать деньгами Монтен Блан, но тебе абсолютно точно не место там.

Поколебавшись, Кенна кивнула. Она и сама понимала, что к этому идёт уже давно.

Весь день Кенна занималась с педагогами. Особенно нравились ей уроки со старичком Люлли, обучавшим её вокалу. Знаменитый композитор, правда, по большей части требовал от неё дисциплины, потому как голос у Кенны от рождения был поставлен хорошо. Но даже распевая бесконечные гаммы, она испытывала абсолютно новое для себя удовольствие, которого была лишена в театре Монтен Блан.

Через пару недель её пребывания в доме Рауль нанял для неё ещё и педагога по этикету. Поначалу Кенна восприняла это новаторство с лёгким скепсисом. Она не противилась, но в голове её билось смущение, ощущение, что для Рауля она недостаточно хороша.

– Ты хороша как потерянная принцесса, – сказал Рауль, когда Кенна, не сдержавшись, всё же задала ему такой вопрос, – но я хочу превратить алмаз в бриллиант.

Понемногу Кенна смирилась, тем более что эти уроки тоже давались ей легко.

Всё, что преподавали ей учителя, Кенна схватывала на лету, как будто давно уже знала.

Иногда, когда Раулю нечем было заняться, он заглядывал к ним в специальный зал, отведённый для занятий, и подолгу

наблюдал.

Рауль сам удивлялся тому восторгу, который рождался в его душе, когда он видел Кенну в сшитых по его заказу одеждах, в отделанных шёлком будуарах его дома. Кенна, которая сверкала как драгоценнейший самоцвет в оправе позолоченных интерьеров. Кенна, которая принадлежала ему.

Поначалу Рауль думал, что Кенна быстро наскучит ему. У него не раз уже случались увлечения такого рода, и каждая из его забытых фавориток получали возможность быть представленными при дворе, влиятельных знакомых и стартовый капитал, чтобы самостоятельно устроиться в среде столичной аристократии. Но Кенну не хотелось отпускать. Рауль наслаждался ею даже так, не имея возможности физически завладеть. Физический акт не имел значения — для него он мог позвать кого-то из продажных женщин или служанок. Куда важнее было именно это ощущение — Кенна принадлежала ему.

Рауль был готов ждать. Он почти не сомневался, что рано или поздно Кенна сама придёт к нему. Хотя затянувшееся ожидание временами и начинало его раздражать.

Ближе к вечеру, если Рауль не выезжал в свет, его обычно посещали друзья.

Последних было четверо: братья Габен и Франсуа де Ламбер, Венсан де Паради, сын маркиза де Паради, и виконт Жерар Леконт. Кенна довольно быстро угадала в этих четверых тех же людей, что ворвались в конюшню барона де Голена.

Все остальные, кто появлялся в доме Рауля, приглашались лишь для того, чтобы развлекать этих четверых и его самого. Здесь бывали известные художники и поэты, модные актёры и скандальные публицисты. Пятёрка предпочитала проводить время в компании самых экстравагантных персон.

Кенна не до конца понимала, какое место уготовано здесь для неё.

Как и со всеми другими приглашёнными, с ней были насмешливо вежливы. Никто не проявлял уважения, но каждый стремился поймать на слове – впрочем, Кенна легко обходила ловушки и в той же манере отвечала.

Иногда её просили спеть или сыграть на пианино, но это не выглядело приказом, обращённым к слуге. Точно так же кто-то из пятерых мог самовольно или по просьбе другого прочитать свои стихи.

В то же время Кенну не покидало чувство, что она не одна из них. Ей демонстрировали это мимолётные покровительственные взгляды – какие могли быть устремленными на редкую экзотическую птичку. Пренебрежительные кивки и едва заметные жесты холёных рук.

Все четверо были так же молоды и стройны, как Рауль. Все четверо были так же ухожены и красивы. Все четверо были так же избалованы и развращены.

Как минимум двое из них не стесняясь демонстрировали, что близки друг с другом более, чем могут быть друзья. И кажется, все четверо были убеждены в том, что и она для

Рауля вовсе не «добрая подруга». Впрочем, это не смущало никого, хотя и становилось время от времени предметом скабрёзных шуток.

Как-то вечером Венсан и Жерар повздорили между собой. Ссору их нетрудно было угадать уже по тому, что они устроились на разных концах дивана, глядя в противоположные стороны, в то время как обычно сидели так плотно друг к другу, что, казалось, тела их невозможно расплести.

– Что-то новое, – прокомментировал этот факт Рауль, едва вошёл, – голубки переключились на кур?

Жерар фыркнул и демонстративно высморкался в кружевной платок, а Венсан произнёс:

– Куры прельщают не всех, но это определённо есть. Скажите, Жерар, как чувствует себя мадемуазель Ключи? – говоря это, на друга он по-прежнему не смотрел.

– Полагаю, лучше, чем вы, ведь она-то заслужила возможность провести время со мной.

Венсан вскочил, и сидевшей в кресле поодаль Кенне показалось, что сейчас один вызовет другого на дуэль. Но Венсан лишь посверлил недолго глазами своего собеседника и снова сел.

– Ваше общество не стоит траты сил, – заметил он, – последнее время ваш вороной жеребец изрядно ослабел.

Жерар скрипнул зубами, а Кенна не сдержала тихого смешка.

Взгляд Венсана тут же обратился к ней.

– Когда мы познакомились с вами, Жерар, вам было девятнадцать лет, и вы были красивы как Аполлон. Но я всё чаще думаю, что времена вашего расцвета прошли. Кому нужен старый мерин, когда у нас есть куда более молодой и всё ещё никем не сорванный цветок.

Кенна подняла бровь, различив намёк.

– Берегитесь, виконт, как бы вам не поранить белые пальцы об острие шипов.

– Скорее, его сожрёт выглянувший из леса волк, – хмуро заметил Жерар, – цветы не растут просто так. У каждого есть хозяин, Венсан, тот, кто вырастил его.

Кенна склонила голову вбок.

– Всё же лелею надежду, что я свободная актриса, а не виллан, чтобы принадлежать кому-нибудь.

– Смотри, Рауль, на корабле назревает бунт.

Рауль скрипнул зубами и промолчал.

– С чего бы вдруг? – спросила Кенна вместо него. – Я умею ценить доброту.

От слов её, однако, лицо Рауля стало ещё мрачней.

Они поговорили ещё, но Рауль остался равнодушен к общему напускному веселью, лицо его с каждой шуткой становилось только мрачней. Венсан и Жерар тоже не думали мириться между собой, и в конце концов гости разошлись, едва часы пробили двенадцать часов.

– Я вас провожу, – сказал Рауль, когда Кенна поднялась с кресла, чтобы идти к себе.

Кенна кивнула и позволила ему приобнять себя за талию, как Рауль делал иногда. Он него исходил ощутимый аромат вина, но и к этому Кенна давно привыкла.

Рауль всегда хорошо контролировал себя, сколько бы ни выпил. И Кенна давно заметила, что разгульное веселье, которому он порой предавался вместе с друзьями, скорее было светской обязанностью для него.

В Рауле таилась загадка, одному ему ведомое одиночество, которое мог различить только тот, кто проводил с ним один день за другим.

Миновав анфиладу залов, они оказались в спальне, предназначенной для Кенны. Кенна вошла первой, а Рауль следом за ней. Он бесшумно прикрыл дверь за спиной.

– Жоржетта! – крикнула Кенна. Она видела отражение Рауля в зеркале и уже поняла, что тот не собирается так уж быстро уходить, и вечерний туалет придётся совершить при нём.

– Я могу помочь вам вместо неё, – сказал Рауль, сделав шаг вперёд.

Кенне стало беспокойно. Это уже несколько нарушало установленный между ними этикет.

– Не стоит, я готова подождать.

– А я – нет.

По спине Кенны пробежала дрожь, и она посмотрела на Рауля через плечо.

– Я очень долго ждала, разве нет?

Кенна молчала. Впрочем, она не успела бы ничего сказать, если бы и хотела.

Рауль навалился на неё со спины и рывком развернул к себе. Он был заметно сильнее, и Кенна, как ни старалась, не могла вырваться из его рук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.